

Мурсынбек Токин

ТЕНГИЗ-АТА И АРМАН

Рассказ

*Воспеваю тебя на века, моя Грузия,
Всем сердцем и душой люблю я.
Моя судьба неразделима с тобой,
Вечная любовь и радость моя.*

*Не жалею я, что не родился твоим сыном,
Но зато я родился другом и зятем.
Горжусь тобой, великая Грузия,
Святая святых твои горы и моря.*

*Вечная любовь на душе светла.
Если сомкну глаза навсегда,
Успею ли сказать последнее слово,
О Грузия, ты навеки моя.*

У сторожа Тенгиза вошло в привычку перед уходом на работу молиться перед фотографиями своих предков – деда и отца. В конце молитвы он всегда обращался к Всевышнему: «О Боже, помоги мне скорее живым и невредимым вернуться домой в Грузию». Тенгиз был ссыльным.

Ранним утром старик обошел территорию совхозного гаража и вернулся к своей землянке на окраине села: после короткого отдыха ему предстояло идти на скотный двор, чистить от навоза огромную территорию коровника, что при его истощении было нелегко.

Несмотря на свой шестидесятилетний возраст, он быстро справлялся с любой работой. По природе старик был рослым – широкие плечи, могучая спина и жилистые мускулистые руки выдавали в нем человека необычайной силы. Вернувшись поздно вечером в свою землянку, старик, как всегда, не раздеваясь, рухнул в постель. Постель была только одно название... На сбившейся в углу соломе валялся старый потрепанный матрас и тонкое одеяло. Чтобы не замерзнуть, старик спал зимой в одежде и обуви – таком же старом, изношенном пальто и помятых кирзовых сапогах.

После прошедшей великой войны жизнь у сельчан была нелегкой, все как один жили в нужде. Работящий, старательный старик, бывший педагог за короткое время своим примерным поведением пришелся по душе заведующему фермой Мурату, который, сочувствуя старому человеку, подарил ему свою малоношеную рубаху и свитер из овечьей шерсти. Но их старику не пришлось долго носить. Бригадир Жаппар отобрал эти подарки.

Вражда Жаппара с Муратом началась давно. По старинному обычаю родители Жаппара и Алимы засватали их с колыбели. Но, став взрослой, Алима полюбила Мурата, и они, несмотря на возражения родителей, поженились. Эта обида навсегда осталась в душе Жаппара, и он любой ценой старался отомстить обидчику.

Сначала в табуне лошадей потерялась кобыла Мурата, потом во время грозы ночью сгорел дотла его каркасно-камышитовый дом. После этого несчастного случая Мурат и Алима переехали жить в совхозный казенный дом. Но мстительный Жаппар и там не оставил их в покое. Будучи тайным агентом НКВД, он решил действовать другим путем: Мурата объявили внуком врага народа – имама-богача, умершего, но так и не признавшего советскую власть.

На общем коллективном собрании совхоза Жаппар открыто выступил с обвинением против Мурата, что тот продолжает дело своего деда имама: богобоязненно читает намаз, приобщая к этому и своих детей. К тому же он подружился с сыном врага народа Тенгизом. Во время обыска дома у Мурата нашли Коран и две молитвенные брошюры.

Последняя месть Жаппара стала самой пагубной для Мурата и его семьи. Его осудили как «врага народа» на шесть лет ссылки, а семью переселили в однокомнатную саманушку, ютившуюся в углу скотного двора, где раньше жил сторож. Комнатка была всего двенадцать квадратных метров, в ней и разместилось жалкое семейство: неходячая после аварии Алима и двое детей – семилетний сын и девятилетняя дочка. Сельчане и соседи в слезах проводили их, но отныне никто не осмелился приблизиться к семье врага народа: боялись сурового закона и особенно доносов бригадира Жаппара.

В холодную осеннюю пору семья Мурата выживала с трудом: еды почти не было, топлива не хватало. Сырые коровьи кизяки горели плохо, от исходящего ими дыма можно было задохнуться. Тенгиз ата, сочувствуя трудному положению женщины и детей, решил помочь им, понимая, что если Жаппар поймает его, то он запросто может заработать новый срок.

«Эх, жалко детей, могут от голода и холода умереть», – Тенгиз ата, разговаривая сам с собой, расхаживал во дворе землянки, ютящейся у берега озера, дожидаясь глубокой ночи. Только под ее укрытием, не показываясь на людские глаза, можно будет добраться до скотного двора, который находился на другом конце села, поближе к выпасам, куда выгоняют скот. Поздно вечером старик набрал сухого хвороста и приготовил еду для детей. Еда-то – только одно название. Он разделил пополам свой паек – литр молока и кукурузную лепешку и вышел из дома.

Глубокая ночь, свет в селе давно погас. Осторожно поглядывая по сторонам, старик с вязанкой хвороста направился в сторону скотного двора. Первая его попытка закончилась удачно, в приподнятом настроении старик вернулся домой, в слух похваливая себя: «Ой, как хорошо, как хорошо сегодня исполнилось».

задуманное, теперь надо, дорогой, так и продолжать. Эх, дети, дети, они еще несмышленные, особенно маленький Арман, очень похожий на внука Гочу».

Старик любил детей, и решил чего бы это ни стоило не оставлять их своим попечением. Каждый его приход становился праздником в бедном семействе. Особенно маленький Арманчик с радостью, шумом и криком: «Тенгиз ата, Тенгиз ата!» бросался в объятия старика. В эту минуту одинокий человек, вдыхая сладкий детский запах, тоже утолял застоявшуюся в душе тоску по родному дому.

Старый педагог всегда умел находить общий язык с детьми. Всякий раз он, посадив Армана на колени, рассказывал ему занимательные детские сказки. Когда иссякал запас знакомых сказочных историй, он сам на ходу сочинял интересные рассказы, в которых незаметно для самого себя переносился в свою родную Грузию, описывая ее щедрую природу, благородных джигитов, волооких трепетных красавиц-пери. И детская мечта Армана уносила его в далекие края, он будто на ковре-самолете летал с Тенгизом ата над зелеными горами, бурливыми реками, синим морем благословенной Грузии. «Твое имя Арман значит мечта, и твоя мечта обязательно сбудется, ты побываешь в Грузии», – шептал мальчику Тенгиз ата. И с этих пор у ребенка стало привычкой засыпать на коленях старика со своей красивой мечтой, переходившей в дивные сновидения.

И в ту ночь старик вернулся домой припозднившись. На улице лил дождь, развозя весеннюю грязь и слякоть. Должно быть, из-за погоды он долго не мог уснуть, перебирая свои невеселые думки. А что тут думать? Не только из-за непогоды, но и от старости он стал мало спать. Богатырские силы его убывали. Беспокойно ворочаясь в постели, вспомнил он своего друга Мурата, заговорил вслух по привычке своего одиночества: «Очень жалко Мурата, какой он был хороший человек. Пятый месяц от него нет никаких вестей. Дети с трудом пережили зиму. А дальше как?»

Не дает покоя старику всегдашняя мысль: как накормить голодных детей. Продолжая ворочаться в постели, он рассуждал: «Эх, если бы не Жаппар, доярка Батима давала бы мне для детей побольше молока. Но у проклятого Жаппара каждая капля на учете. А у Батимы, давно оставшейся без мужа, у самой трое несовершеннолетних детей, их тоже надо поднимать. Ох, дети, дети...»

Ранним утром старик, как всегда, собрался на работу. Потянулся к сушившимся сапогам, и ему показалось, что левая рука его слегка задрожала. Он в испуге раскрыл мозолистые ладони, внимательно осмотрел их, то сжимая, то разжимая пальцы, поработал руками: вроде все нормально.

Упираясь спиной в стену, задумчиво посидев немного, потом резко вскочил с места, угрожающе затряс сжатыми в кулаки руками, закричал, бледнея от ненависти: «Ох, Тариел, я задушю тебя этими руками. Недолго осталось тебе, собаке, жить. Я скоро, скоро приеду».

Он все сильнее тяжелыми каменными кувалдами прижимал кулаки к себе, сквозь стиснутые зубы рыча: «О Боже, когда наступит этот день. День мести. День счастья для меня... Жди, Тариел, меня, мы скоро встретимся!» В эту минуту страшно было смотреть в лицо старика. Его огненные глаза метали искры гнева, весь его грозный вид жаждал отмщения, призывал миг встречи с врагом.

...Директор школы-интерната Тенгиз в тот роковой день ждал у себя в кабинете Тариела, который работал в интернате водителем и снабженцем. На-

кануне они были в Тбилиси, в областном управлении образования, где после сдачи материального отчета им выдали портреты вождей СССР. Ими надо было украсить актовЫй зал интерната, где проводилась вся идейно-воспитательная работа и праздничные мероприятия. До праздника Дня Победы оставалось всего два дня.

Из-за непогоды вернулись они домой очень поздно, портреты остались в машине у Тариела, и вот теперь он в большой сумке принес их в кабинет директора. Поставив сумку у стола, попросился съездить за рамками для портретов, чтобы сегодня же вывесить их в зале. Вернулся он раньше времени и не один – с работниками милиции. В это время директор раскладывал на полу для просушки мокрые помятые портреты вождей. Набухшие от влаги, они уже не подлежали восстановлению. Вошедший в кабинет Тариел набросился на Тенгиза, обвиняя его в порче портретов вождей. Поскольку факт был налицо – тут же на месте преступления и арестовали директора.

Тариел давно точил зуб на Тенгиза за то, что тот не дал работать в интернате их семейному клану: уволил его жену – повара и брата – воспитателя, обвинив в разворовывании продуктов и спекуляции одеждой и постельным бельем воспитанников. Тариел знал, что и сам он висит на волоске, стараясь до поры до времени не реагировать на замечания придиры-директора. И вот теперь пришла пора ему поплатиться.

На суде Тенгиза обвинили в грубости, халатности, растрате казенного имущества и незаконном увольнении работников интерната. К делу еще добавили уволенного сторожа, который систематически пил. Учитывая все эти сфабрикованные доносчиками факты, осудили Тенгиза на пять лет ссылки...

Старик, как всегда, шел на работу берегом озера. После вчерашнего дождя к утру резко похолодало. Луи были покрыты тонкой слюдой льда, и само оно, еще по-зимнему скованное, зеркалом блестело после дождя.

Старик приблизился к камышатнику, как вдруг из его зарослей с шумом выскочила четверка диких гусей, которые почему-то не летели, а бежали. Старый охотник Тенгиз сразу смекнул, что от вчерашнего дождя и грянувшего холода крылья птиц смерзлись, и они не могут лететь. Он легко поймал троих гусей, прошлогодних птенцов, и без усилия перерезал им горло. А последний гусь был очень крупным, у него раскрывалось одно крыло, и, махая им, он долго не давался старику в руки. Тот, наконец, пошел на хитрость: быстро снял пальто и без промаха накрыл им птицу.

Обрадованный неожиданной удачей, старик решил, не заходя в гараж, идти на скотную базу, к детям: «Ох, и обрадую я их!» – по привычке вслух подумал он, заворачивая гусей в пальто, стягивая поклажу ремнем и забрасывая на спину: «Только бы никто не догадался, что у меня за спиной».

К тому времени селение проснулось. Несмотря на усталость от ловли птиц, старик быстро добрался до скотного двора. Рано приходящие в коровник доярки уже были на месте, и тут же все трое окружили старика с его поклажей. Старик нечего было от них скрывать, и он без утайки рассказал им о своей удаче. Женщины предложили ему поделить гусей между собой, что никак не входило в планы Тенгиза.

В это время приехал бригадир Жаппар. Он, слезая с коня, сразу обрушился на шумевших женщин:

– Почему не работаете? Что вы тут не можете поделить? – Жаппар перевел взгляд на старика: – А ты что здесь стоишь, старый бездельник, совсем распустился!

В это время его взгляд упал на свёрнутое пальто.

– Что тут у тебя?

Все молчали. Жаппар подошел, ткнул сверток носком сапога, увидел высушенную гусиную лапу:

– Гуси что ли? Откуда они?

– Не трогай, это для детей, – плечом отодвинул его старик.

– Для каких детей? И кого ты толкаешь, старый бездельник?! – бригадир хлестнул старика кнутом по спине.

Не сдерживаясь, горячий по характеру Жаппар замахнулся еще раз, но ударить ему не пришлось. Гордый грузин из рода воинственных горцев Сванетии, разгромивших когда-то на перевалах в своих горах армию Чингисхана, не стерпел унижения. Давно копившаяся обида грозным негодованием вырвалась из его груди. Со страшным криком схватил он маленького Жаппара и, легко подняв в воздух, резко раскручивая его, изо всех сил швырнул в сторону ворот. Влекомый инерцией, тот с размаху ударился головой о железную задвижку и упал без движения у ворот. Из его головы текла кровь.

– Ойбай! Ойбай! Убили, убили, – запричитали женщины. Прибежавшие на шум дети Мурата заплакали при виде страшной картины. После такого немилосердного удара Жаппар долго лежал в больнице, левое ухо его было порвано, он потерял дар речи.

Тенгиз ата тоже дорого заплатился за нанесенное бригадиру увечье. Ему дали еще пять лет срока. Старика дали бы больше, но женщины заступились, обвинив Жаппара в затеянной драке. Жалко было смотреть на детей, когда увозили старика Тенгиза. Арман с криками «Тенгиз ата, Тенгиз ата! Не оставляй нас!» долго бежал за машиной, пока, обессиленный, не свалился в грязную дорожную колею, мокнувшую под вновь припустившим весенним дождем.

За ним приехала на телеге Батима, забравшая его домой, завернув замерзающего мальчика в теплую старую телогрейку, по-матерински прижимая его к груди. Простуженный Арман двое суток пролежал с высокой температурой без сознания, Батима вместе с помогавшей ей Алимой отхаживали его, в слезах прося для ребенка милости Аллаха и благодаря Создателя, едва мальчик открыл глаза. И тут уже на помощь пришел целебный бульон из гусей, пойманных Тенгизом, поднявший Армана на ноги и подкрепивший обе семьи.

Батиму назначили бригадиром вместо Жаппара, и жизнь в семье Мурата резко изменилась в лучшую сторону. По натуре энергичная женщина за короткое время добилась ее перевода в барачный дом, где проживала сама, что стало праздником для всех. Недолго прожила в новом доме мать детей Алима. От Мурата вестей не было по-прежнему. Добрая матушка Батима детей Мурата воспитывала вместе со своими детьми, одевала, обувала, снаряжала в школу, как могла. Они вместе играли, вместе сидели за одним столом, деля поровну скудную послевоенную еду.

Арман уже окончил начальную школу. Все эти годы от Тенгиза ата не было никаких вестей. Но Арман продолжал ходить на дорогу, по которой его когда-то увезли. Он подолгу сидел на холме у дороги, и, тоскуя о деде, рисовал свои

чудные картины, на которых возвышались высокие горы, низвергались с них бурные реки, синело бескрайнее море, зеленели роскошные сады, по которым они гуляли с Тенгизом ата, которыми они любовались с Тенгизом ата, которые ему щедро вручал Тенгиз ата – всю свою благословенную Грузию. И мальчик Арман точно знал, что он вырастет взрослым и поедет в волшебную страну Грузию, где в горной Сванетии живут богатыри – благородные люди, умеющие подарить человеку мечту, которая обязательно сбудется.

Турсынбек Токин родился в 1940 году в поселке Тургай. После повторного ареста его отца Токина Камбара десятилетним остался с больной матерью и старшей сестрой в Семиозерном районе Кустанайской области, где учился в школе. Осиротевшую семью поддержал бывший директор детдома из Кутаиси, ссыльный сван Тенгиз ата, которому Турсынбек обязан своим воспитанием и навеки привитой любовью к Грузии. С детства работавший в совхозе, в результате несчастного случая он потерял слух и не смог учиться дальше. Отбывший срок в Магадане отец отвез 17-летнего сына в Челябинск на операцию, вернувшую ему способность слышать. В 23 года Турсынбек Токин получил аттестат вечерней средней школы. В 1970 году окончил философский факультет КазГУ. Работал в Тургайском облсовпрофе инструктором. В 1976 году окончил Академию профсоюзов по специальности «политэкономия». Впоследствии работал председателем обкома профсоюза, завотделом облисполкома. После выхода на пенсию всецело занялся творческой деятельностью. Автор восьми книг. Член союзов писателей Грузии и Казахстана. Награжден медалью «За освоение целины» и орденом «Знак почета», почетными грамотами, литературными дипломами газеты «Қазақ әдебиеті», Союза писателей Грузии, «Почетный литератор», а также знаком «Мәдениет қайраткері».

В июле 2020 года отмечает:

80-летие

Зифа РАХИМБЕКОВА, прозаик

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляра!

